

Павел Михайлович Попов

Волколак

Павел Попов

Волколак

«Издательские решения»

Попов П. М.

Волколак / П. М. Попов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-517139-9

Поэма «Волколак» раскрывает проблему относительности добра и зла, повествуя о древнеславянском этносе, возрождает забытый современниками уклад далеких предков. Повествование уводит читателя в архаичный мир пантеона древнеславянских богов, рассказывая историю мальчика, растущего в лесу среди диких зверей и заключенного в его теле мстительного духа, древнего бога, который обращает его в огромного волка, завладевая сознанием.

ISBN 978-5-00-517139-9

© Попов П. М.
© Издательские решения

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

24

Волколак

Павел Михайлович Попов

© Павел Михайлович Попов, 2020

ISBN 978-5-0051-7139-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Дикий вой волчицы злой
Разорвал туман ночной.
Небо осветив, звезда
Пролетела, и тогда
Разошлася пелена,
Степь стоит обнажена.
Там в степи средь трав густых,
Волк в молчании затих,
Ждет добычу он свою —
Лютого врага семью.
Во владения его
Он не пустит никого,
Но людишек злых чета
Пробирается туда.

Зоркий глаз в ночи сверкнул,
В небе ворон промелькнул.
Триста лет уж он живёт,
Сама смерть его зовёт
На кровавый хоровод.
Чует он её приход,
Знает: неизбежность ждёт.
Человека волк убьёт.
Видит: кинулся вперёд,
Зверь в смертельный хоровод,
Вмиг добычу он нагнал
И на шее зубы сжал,
Наземь человек упал,
Захрипел и задрожал.

Захлестнула горло кровь,
Окропила землю вновь.
Зубы рвут постылу плоть,
Умер человек, и, хоть
Без движенья он лежал,
Волк его ещё терзал.
Лишь расправился с одним,

Как погнался за другим.
Ох, ничтожный человек,
Не уйти ему вовек!
И, пронзая ночи мглу,
Волк несётся по ветру,
Он двуногого настиг,
И в степи раздался крик.

В небе ворон всё кружит,
За расправую следит.
Ждёт его сегодня пир —
Две души покинут мир.
Но с небесной высоты
Сквозь высокие кусты,
Разглядел младенца он —
Человечек спеленён,
Средь травы густой лежал
И тихонько мирно спал.
Наступила тишина,
Шелохнулося трава,
А младенец – сирота,
Пробудился и тогда.

Тишину степи ночной
Вдруг нарушил детский вой.
Плачет бедное дитя,
Матерь рядом не найдя.
Зверь, услышав детский крик,
Вмиг ребёночка настиг.
Ярость будоражит кровь,
Затмевает разум вновь,
Ненавистен род людской,
Много бед и грусть с тоской
Довелось превзойти
Волку на своем пути.
Его маленьких волчат,
Его юных бесовят,
Подлый человек поймал,
На забаву псам отдал.
И желание кипит:
Гнусный человеческий вид
Разорвать и растерзать,
На съедение отдать
Их презренные тела
Червям раз и навсегда.
И хотел уж, было, волк
Разорвать дитя, но в толк
Взять не может он одно:
Сердце жалостью свело,

К ненавистному врагу
Наклонился он. «Агу» —
Звук издал малец людской,
Взялся пухлою рукой
Волка лютого трепать,
За уши, усы тягать.
На младенца посмотрев,
Волк стоит остолбенев.

Разрезая гладь небес,
Ворон видел: лютый бес
К мальцу быстро подбежал,
Растрезать его желал.
Вниз стрелою полетел,
Рядом с волком ворон сел:
«Ты меня послушай, брат!
Дам тебе такой расклад.
По земле давно хожу,
В небе тучею кружу,
Видел в мире много бед,
Собираясь на обед.
Горечь видел, и твою
Всю убитую семью,
И страдания, и злость,
Ненависть, отмщенья горсть,
Что в когтистой лапе сжал,
Ты возвел на пьедестал.
Но лед в сердце растопи.
Мальца напрасно не губи.
Если сможешь – полюби.
Ну, а нет – с собой возьми.
Подрастет малец людской,
Силы наберет с тобой,
Сможешь ты тогда понять,
Как же можно совладать
С человеческой ордой.
И, как сын твой молодой,
К восемнадцати годам
Наберётся сил, а там,
Коли будет он вредить,
Сможешь ты его убить.
А сегодня злость с тоской
Позабыв, возьми с собой
Мальца бедам вопреки
И Волколаком нареки».

Волк от мысли от одной
Человека взять с собой,
Да ещё его кормить,

Обогреть да приютить,
Тайны все ему открыть
В бешенство пришел опять,
Ворона хотел задрать:
«Да не может быть того,
Чтоб врага я своего
Сыном взял себе родным.
Да и что мне делать с ним?
Посмотри же на него:
Это что за существо?
Ни зубов, ни шерсти нет —
Он походит на обед» —
Серый злобно прорычал.

В ответ ворон гоготал:
«Ты меня послушай, брат!
Тут не взять и не отнять:
Наречён тебе самой
Человечек был судьбой.
Воспитаешь ты его
Словно сына своего.
Ну, а чтобы легче жить,
С мальцом юным не тужить,
Чтобы смог ты говорить
И понять, и ободрить,
Чтоб на языке одном
Говорил ты с сорванцом,
Я ему дам талисман,
Что мне Высшей силой дан.
С помощью охранных чар
Подарю блаженный дар».
Ворон крыльями взмахнул,
Клювом щёлкнул и вдохнул
В мальчика тусклый огонек.
Затем, сделав лишь кружок,
Засветился паренёк.
На секунду иль на две,
И рассеялось во мгле
Все воронье колдовство
Словно просто озорство.
И, взмывая в небеса,
Молвил волку он слова:
«Коли буду я нужён,
Повернись отсюда вон,
К северной большой звезде,
И провой ты при луне.
Трижды твой услышав вой,
Очутюсь я пред тобой».
И в глуши ночных небес

Ворон каркнул и исчез.

1

Быстрые ноги несут по земле,
Юный парнишка бежит по траве.
Сильное сердце горячую кровь
Гонит по венам его вновь и вновь.
Он убегает меж колких кустов
В чашу дремучую старых лесов.
От лютого волка парень бежит,
Который владенья свои сторожит.
Но настигает его сильный зверь:
Один лишь прыжок, и, ты мне поверь,
Повержен, лежит паренёк на земле,
И волка, смеясь прижимает к себе.
Немало уж лет водой унесло,
Немало раз солнце над степью взошло
С момента той встречи в ночи роковой,
Что была им начертана верной судьбой.
Все получилось, как ворон сказал.
Той ночью младенца лютый забрал,
Как сына родного его воспитал.
Мальца всей душой тогда полюбил,
Всему, что сам знал, его обучил.
Рос человек среди диких зверей,
Годы всё шли, становился сильней.
Дружбу водил со всеми в лесу:
С медведем, волками и даже лису —
Рыжую шкурку – дружить научил,
Хитрой плутовке очень был мил.
С зайцами весело в салки играл,
Мёд с медведем у пчёл воровал,
Всякий в лесу его узнавал.
И к восемнадцати ближе годам
Дар пробудился, что вороном дан.
Однажды гуляя в чаще лесов,
Встретил парнишка пару злых псов.
А с ними охотник наперевес
В прекрасную лань прицелился, бес.
И, с верным желанием псов разогнать,
Дико он стал рычать и орать.
Псы развернулись и кинулись в бой
На парня младого брызжа слюной.
В руку вцепился тот, что крупней,
Кровь потекла дикой розы алей,
Ярость наполнила душу сполна,
И огонька пробежала волна.
Зелёным свечением парень объят,
Псы в изумлении рядом стоят.

Ну, а парнишка дрожащей рукой,
Кожу сдирать начал с плоти людской,
Расти, поднимаясь в самую высь.
И вот перед псами тенью навис
Огромного волка, что бездны черней,
И во сто раз всех демонов злей.
Смерть предвещает ужасный оскал
Всем, кого он на пути повстречал.
Первого пса к земле придавил,
Лапой когтистой дух испустил,
Второго в секунду напололам
Перекусил послав к праотцам,
Яростью тысячи лютых волков
Демон очнулся в парнишке от снов.
В ступоре тихо охотник стоял,
За ворожкой из кустов наблюдал,
Не было силы и слово одно
Вымолвить даже, опустился на дно
Небольшого оврага, что позади,
Петляя змеёй, скрывался вдали.
Доселе про волка таких величин
Он не слышал и из древних былин.
«Что же за адский ужасный обряд?
Зелёным огнём глазища горят
У черного волка, что из глубин
Бездны самой явился один».
Мысли нарушил пронзительный вой,
Волк уже рядом! И только «Постой!»
Смог прошептать человек про себя,
Фигурку Всевышнего боготворя,
Что в кулаке он крепко сжимал.
От древнего страха голос дрожал.
Но недоступен говор людской
Для демона с самой чёрной душой.
Одно лишь движенье лапы большой,
И дух испустил человек удалой.

Тих и спокоен дивный полёт,
Ворона запах крови влечёт.
Упоенно над кроной старых лесов,
Ворон летит и видит двух псов,
Видит – растерзан лежит человек,
Никто не опустит ему даже век,
И в старом овраге тонкой струёй
Кровушка вьётся красной змеёй.
Неподалёку от места расправы
Парень лежит под тенью дубравы.
В засохшей крови всё тело его,
Вздывается грудь тяжело у него.

Ворон стрелою вниз полетел,
На ветви старого дуба присел.
И одного лишь взгляда ему
Хватило, чтобы, как наяву,
Признать сироту, что в ночи роковой,
С лютым сведён был самою судьбой.
Ворон парнишку всего оглядел,
Каркнул и старую песню запел:
«Вижу, малец, что ты повзрослел,
Что силы набрался и осмелел.
Дар мой в тебе пробудился, навек
Будешь ты зверем теперь, человек.
Лишь злости дать подумаешь волю,
То ярости дикой познаешь всю долю,
Навалится ненависть бурной волной,
Не совладать с бездонною тьмой,
Зелёным огнём загорятся глаза,
Обратишься в огромного зверя тогда.
Должен ещё кое-что я сказать.
Как говорится, не взять – не отнять,
В обличии зверя тебе не узнать
Ни близких друзей, ни родных, никого,
Коли кто дорог, беги от него.
Демон любого захочет задрать,
Кто на пути его будет стоять.
Но знай, что лишь ты его обуздать
Способен при полной, кровавой луне
Всю свою волю сжав в кулаке,
И, если зажжёшь ты в душе огонёк,
Чистой надежды, любви, паренёк,
Демон отступит пред волей твоей,
Желаю тебе быть, парнишка, сильней».
И чёрного взмахом, как сажа крыла,
Ворон поднялся туда где плыла
Средь облаков дневная звезда
Точкою стал и скрылся тогда

Уж месяц со встречи в чаще лесной
Весна унесла с талой водой,
И зелен весь лес, и луга расцвели.
Сидит паренёк печальный в дали
И смотрит с утёса на самое дно,
Грусть его душу гложет давно:
Не может забыть он свершенное зло,
Недоброе чувство сердце свело.
И мысли текут чередой в голове:
Бежать он задумал к скалистой горе.
Решился тайком уйти навсегда,
Чтоб не вредить никому, никогда!

«Дойду до горы, а там в чёрный лес,
Куда побоится ступить даже бес.
Там самое место такому, как я!
Простит ли отец, поймут ли друзья?» —
Подумал с тоской паренёк про себя.
Но мысли недобрые голос прервал,
То позади старый волк прорычал:
«Скажи мне, сынок, что гложет тебя,
Что юную душу тревожит щемя?».
«Отец, от тебя не стану скрывать,
Решил в чёрный лес я от всех убежать.
Покину с рассветом родные края,
Ведь демон живёт в душе у меня.
И правильны были вороньи слова:
Для демона жизнь ничья не ценна.
И помню, как с клюва срывалось его:
«Коли кто дорог, беги от него».
Я твёрдо решил отправиться в путь,
Там может заклятья откроется суть.
Поборника смерти хочу отыскать,
Про ворожбу его больше узнать.
А нет, так останусь в проклятом лесу,
От участи лютой тем многих спасу.
Неведомо мне, что ждёт впереди,
Но я так решил и намерен уйти.
Прости же, отец, не стой на пути,
Мудростью старца мой выбор прими».
Промолвил юнец и волка обнял,
Юную душу страх обуял,
Тоска и обида в сердце впились,
Спёрло дыханье, колени тряслись.
«Сынок погоди, успеешь уйти,
Не буду стоять у тебя на пути.
Но прежде послушай, отцу угоди».
Проскрежетал старый волк позади:
«В каждом из нас свой демон живёт,
Вот только не каждый его признаёт.
Темною ночью однажды и мне
Отмщения зов пропел при луне.
Много мне сделал зла человек,
Не вынести горечь утраты вовек.
Той ночью людей я двоих удавил,
Кровушкой их свою боль утолил,
Тропую войны прошел против всех,
Кровью забрызгав приволь степных лех.
Но ненависть смог я тогда обуздать,
Когда довелось тебя повстречать.
Любви я открылся, и, что же теперь,
Как на духу скажу, мне поверь.

Был ты отмечен самою судьбой,
Путь предназначен тебе был другой.
Жизнь молодую, постой, не губи,
Послушай отца, в черный лес не ходи.
С давних времен из проклятых земель
Ни птица, ни зверь не вернулись досель,
Останься средь близких, родных и друзей,
Вместе мы сдюжим с бедою твоей.
Пойдём же, сынок, пора нам домой,
Что расположен в чаще густой».
И тихо вдвоем они побрели,
К дому, что скрылся где-то в дали.

Шли месяца, недели неслись,
Чёрным крылом прорезана высь.
Ночью при полной кровавой луне
Волк трижды провыл полярной звезде.
Ворон спешил на сумрачный зов,
Пронзая стрелою небесный покров.
Волка увидел в степи одного,
Спустился и сел подле него.
«Много уж лет тебя не встречал.
Держи же ответ, зачем меня звал?» —
С усмешкою в голосе ворон сказал.
«Зачем одарил проклятьем мальчика?
Дар твой не стоит гнилого яйца!
Он вынужден горе познать и беду,
Страданий его я теперь не сочту.
Был раньше он весел, смеялся и пел,
Теперь же поник, как гриб побледнел.
Съедает его проклятая хворь,
Юную душу гнетёт эта морь.
Возьми же назад проклятье, что дал», —
Сквозь грозный оскал старый волк прорычал.
«Что было – прошло, назад не вернуть,
В том жизни самой отмечена суть.
Кто, как не ты, о том должен знать?
Деянья свои обратно не взять.
Но в этом и прелесть жизни земной:
Выбор свершить вольны мы любой.
Вот даже сейчас мы беседу ведём,
А сын твой один, зверем лютым ведом.
В поисках крови рыщет в степи,
Новую жертву жаждет найти.
С каждым убитым зверь станет сильнее,
И подчинит парня воле своей.
Я знаю, что хочешь спасти ты юнца,
Что путь свой готов пройти до конца,
Но знай, что ночью сегодня умрёшь,

Если к нему на помощь пойдёшь.
А коли желаешь остаться в живых,
Укройся в зелёных кронах лесных.
Выбор стоит пред тобой непростой...».
Раздался в дали пронзительный вой.
«Слышишь, он рядом, идёт за тобой,
Решай же, как быть, на месте не стой».
И ворон в ночные порхнул небеса,
У волка скупая скатилась слеза.
«Давно я решил» – прорычал он вослед
И в степь побежал, не дождавшись ответ.

Озарён горизонт кровавой луной,
Мрачные тучи одна за одной
По небу бегут, встречаясь в дали,
Молнией степь освещают они.
Воздух горячий лёгкие рвёт,
Зверь догоняет – близок исход.
Молотом кровь бьёт по вискам,
Не уйти от погони волчьим ногам.
Уж слышится лязг острых зубов,
Виден уж блеск огромных клыков.
«Старое тело подводит меня» —
Подумал с тоской волк про себя.
Не в силах бежать, обернулся в степи,
Встретились взглядом со зверем они.
В знакомых очах не нашёл он тепла,
Была в них видна лишь холодная мгла.
«Ну что же, сынок, окончен мой путь,
Должен ты знать: не жаль мне ничуть».
Кровь хлынула в рот, не успев досказать,
Волк наземь упал дух испускать.
Проснулся от дома вдали Волколак,
«Солнце уж встало, поспать я мастак!», —
Промолвил с улыбкой, смотря в небеса:
«Какие таите от нас чудеса?
Дивный послали мне ночью вы сон,
Снилось, что был безгранично силен.
Снилось, как ярость по жилам текла,
Как сердце накрыло волною тепла,
Как голод неистовый душу пробрал,
Как жажду безмерную я испытал.
Усилились чувства в тысячу раз,
Ночью как днем видел всё глаз.
Слышал и чуял я всё за версту,
И запах чуть слышный, и шорох в лесу.
Снилась охота в тумане ночном,
Как зверем могучим мчал напролом.
Погоня в степи и помню потом,

Как встретились взглядом с ярим врагом.
Сорвались слова, он, что-то сказав,
Невольно встревожил суровый мой нрав.
Молил о пощаде иль грозно кричал,
А может на помощь кого-то позвал.
Иль, просто оскалив зубатую пасть,
Хотел на меня нежданно напасть.
Неважно, был глух и неумолим,
К мольбам беспощаден и стонам чужим.
Лишь ненависть, ярость вскипала в крови,
И сильным ударом когтистой руки
Вырвал я сердце из вражьей груди,
Бросив небрежно его впереди.
Глаза побледнели, враг наземь упал,
И тут солнца луч мой сон оборвал!».
Парнишка поднялся и был удивлён:
«Чудный приснился, однако, мне сон,
Но нужно идти к отцу на поклон.
Я долго здесь пробыл, он будет взбешён».
Но сделав полшага, он в ступоре встал.
Не в силах кричать, ужас горло сковал,
Лишь тихо слеза по юной щеке
Вниз покатилась, упав на песке.
Что-то сломалось и умерло в нём,
Мёртвой душа стала в теле живом.
Ничто её боле не колыхнёт,
Ничто не встревожит и не вспугнёт.
Он не вопил, не молил, не рыдал,
Проклятия гневные небу не слал,
Лишь молча стоял, смотря пред собой,
На мёртвое тело, на кровь, что рекой
Текла из зияющей раны в груди
Старого волка, что умер в степи.
Солнце уж скрылось в дали за горой,
Звезды гуляют с холодной луной,
А Волколак, отца схоронив,
У могилы сырой не проронив
Ни слова, стоит, смотря в небеса,
И только когда опустилась роса,
Он, поступью тихой ноги влача,
Поникший побрёл, смерти ища.

2

Одинокой тропой шёл Волколак.
Пробираясь сквозь лес, болота и мрак.
С клятвою страшной на юных устах
Он смерти искал в проклятых местах.
Поклявшись Всесильному зверя изжить,
И в чёрном лесу себя погубить.
Он месяц скитался в чуждой степи,

Цели достиг. «Постой, отступи!
Одумайся, сын, назад поверни» —
С тревогой раздался голос внутри.
«Напрасно, отец, вновь спасаешь меня,
Напрасно взываешь ты душу храня,
Напрасно со мной отправился в путь,
Призраком белым заняв мою грудь.
Я не достоин, я проклят навек.
Должен покинуть сей мир человек» —
С досадой ответил парнишка ему.
«Жизнь мне такая теперь ни к чему,
Сделаю шаг и в чёрном лесу
Сгину, иль в жертву себя принесу.
Могучее сердце замедлит свой бег,
Не разомкнуть никому моих век.
Наконец упокоится дьявольский дух,
Канет в лету со мной, и более вслух
Никто его имени не назовёт
И в песне полночной не пропоёт.
На том и закончим сей разговор» —
Сказал Волколак, потупив свой зор.
А где-то поодаль, где-то там впереди,
Ветер кроной шумел, кричал: «Уходи!».
Там чёрных стволов возвышалась стена
Древнего леса, что взмыв в небеса,
Пророчил беду и скорую смерть
Любому, кто вздумает только посметь
Ступить за черту проклятых земель,
В самое сердце, в саму колыбель,
Нечисти всякой, что бушует в миру,
Что захожих уводит в вечную мглу.
Но Волколак не из тех, кто свернёт,
Он твердо решил, он мчится вперёд.
На погибель спешит, ускоряя свой шаг,
Не страшен ему и внутренний враг,
Лишь жгучая боль, да адская злость,
Сердце тревожат, вгрызаются в кость.
Да старый отец ещё ко всему,
Душу терзает, напомнив ему,
О том, что и так нельзя позабыть,
Что юности пылкой вовек не решить.
Он призраком чистым эфирной души,
Идти к праотцам пока не спешил.
Отправился с сыном, желая спасти,
Желая помочь свой путь обрести.
Уж месяц повсюду следует с ним.
Погибельный замысел невыносим.
К сыну взывает с надеждой большой,
Что выберет жизнь паренёк молодой.

Меж тем Волколак через терни пролез,
Вошёл в темный лес и с виду исчез.
Сквозь густую траву, крапиву, репей,
Пробирался во тьме несколько дней.
Тёмной тропой шёл незнамо куда,
Не разглядеть во мгле ни следа,
Меж чёрных стволов и чёрной листвы,
Не видно лучей полночной звезды.
Долго во мраке плутал паренёк,
Ни птичка какая, ни мелкий зверёк,
Ни разу ему на пути роковом,
Не повстречались в лесу неживом.
Сбившись со счёту дней и ночей,
Взывал к небесам, кричал громко: «Эй!
Мне путь укажите из проклятой мглы,
Не уж не услышите меня боле вы?
Не сделаю больше и шагу вперёд,
На месте останусь ждать свой черёд».
Присев на колени сказал Волколак.
Вдали замаячил мерцающий знак,
Холодным огнём он звал за собой,
Раздался знакомый в сумраке вой,
И призраком белым старый отец,
Путь указал ему наконец.
Недолго бежал за ним Волколак,
Выход был рядом, он словно дурак,
Все это время кругами бродил,
Его леший – пройдоха за нос водил.
«Вот уж действительно проклятый лес,
В нём не заблудится разве что бес!»
Выйдя на луг с зелёной травой,
Свежий воздух вдохнул паренёк молодой.
И взглядом усталым, оглядев всё вокруг,
«Спасибо, отец», – произнёс громко вдруг.
Но никто не ответил на это ему,
Он руки раскинув упал на траву.

Луна озарила призрачный луг,
Волколак пробудился, оглядев всё вокруг,
«Не уж целый день я здесь пролежал,
До ночи глубокой так крепко проспал?»
Удивился парнишка и на ноги встал,
«Сынок берегись», – старый волк прорычал.
Послышались всплески воды за спиной,
Вдали за холмом кто-то крикнул: «Постой!
Молодец юный не спеши уходить,
Приходи к нам на пруд хороводы водить.
Долго мы ждали тебя одного,
Иди же скорей, иль боишься чего?»

Соловьиной трелью голос звучал,
Разлетался в ночи, его призывал.
«Страх мне не ведом, но всё ж не приду,
Напрасно зовете вы в гости беду», —
Сказал Волколак, повернув от холма,
За которым призывная лилась молва.
Вдруг кто-то заплакал, на помощь позвал,
Пронзительный голос за холмом закричал.
«Не уж кто-то тонет в водице ночной», —
Сказал про себя паренёк молодой.
«Сынок, берегись не иди на сей зов,
Там встретишь погибель, к тому будь готов!»
Но не слушал отца, Волколак уж давно
На холм забирался, видно так суждено.
С вершины увидел он пруд не большой,
В нём девицы нагие плескались гурьбой,
Беззаботно смеялись и звали с собой.
Одна поманила белёсой рукой.
«Приди, паренёк, поплескаться со мной», —
Сказала девица с рыжей косой.
«Это что за бесовские шутки у вас?
Кто здесь кричал? Отвечайте сейчас!
Не то разгоню полночный шабаш!
Не спасёт вас тогда и сумрачный страж.
Чего вы смеётесь? Не уж надо мной?»
Махал Волколак гневливо рукой,
Бегло спускаясь к ночному пруду,
«Управу на вас я быстро найду», —
Сказал паренёк к воде подойдя,
А девицы смеялись всё также шутя.
«Сынок берегись, беги от воды,
Хочу убережь тебя от беды», —
Вторил отец раз за разом ему,
Напрасно взывая к младому уму.
Но близко к воде подошел Волколак,
Разгневанный вёл себя как дурак,
Остереженья не слушал отца
И сильной рукой кто-то вдруг молодца,
С берега вмиг в воду стащил,
И на самое дно за собой утащил.
Парень брыкался, пытаясь спастись,
Силы кончались, «Ты только крепись!
Крикнул отец, вздыхая ему
«Я сдерживал зверя, теперь ни к чему».
И в недрах души пробудилось зло,
Зелёным огнём освещая все дно.
Поднимаясь наверх и падая ниц,
Тенями кружился хоровод водяниц,
А в центре сурово блестя чешуёй,

Грозно смотрел на него водяной.
Но парню уж было теперь всё равно,
Зверь овладел душою его.
Явилось на свет первозданное зло,
Что смерть за собою всюду вело.
Первой схватил водяницу одну,
Разорвал на куски и размазал по дну.
Завязалась битва в пучине ночной,
С разных сторон нападал водяной,
То выплывет слева, то справа всплывёт,
То со спины удар нанесёт.
Проворный и быстрый в стихии своей,
Водяной избегает острых когтей.
Стал задыхаться невиданный зверь,
На колени упал и что же теперь.
Скорой победой восхвален водяной,
К зверю подплыл и сильной рукой,
За шею схватился, но зверь удалой,
Не дал сказать ему даже постой.
Вмиг челюсть сомкнул на шее его,
Сорвав голову с плеч, швырнул далеко.
Выйдя на берег, он грозно завыл,
О победе своей на весь лес заявил.
И в поисках жертвы очередной,
Зверь побежал тропою лесной.

Чёрною тенью в полёте ночном,
Ворон следил за зверем тайком.
Видел, как в пруд паренёк угодил,
Как потом из него зверь выходил,
Как в поисках жертвы ринулся в лес,
Как выл на луну проклятый бес.
Как после под старым древом седым
С призраком бился, покуда дневным
Светом заря весь залив небосвод,
Осветила раздолье местных болот.
И только лишь призрака зверь одолел,
Ворон к нему на ветви слетел.
Шептал заклинанья, махая крылом,
И зверя сморило магическим сном.
«Тут мёртвым не место, покинь уже Явь!¹
Давно тебя ждёт загробная Навь», —
Каркнул пернатый слетев на лужок,
«Довольно томиться ты отдал должок
И больше ничем не обязан ему.

---

¹ Три стороны бытия: Явь – наш видимый мир, в котором мы пребываем в физическом теле, который также называют плотным; Навь – загробный мир, где живут духи, души людей после смерти и другие существа; Правь – мир, где живут высшие, светлые Боги, кроме того, Правь – это законы мироздания и законы человеческие, данные нам нашими Богами.

К чему это всё, я в толк не возьму?
Вспомни-ка лучше зачем его взял,
Как сыновей и жену потерял?
Они заждались тебя уж давно,
Ступай к ним навстречу, время пришло».
И волк появился пред вороном вмиг,
Призраком белым внезапно возник:
«Тебе бы скорей спровадить меня,
Чтоб замысел свой свершить не тая.
Я знаю желанием ты одержим,
Чтоб зверь овладел сыном моим.
Но стал я помехой в плане твоём,
И подлым обманом, той ночью вдвоём,
Ты свёл нас со зверем под полной луной.
Хотел, чтобы сын мой своею рукой,
Зверя вскормил, меня погубив,
Кровью родною его напоив.
И пусть удалось меня провести,
Со свету сжить и в могилу свести,
Но буду я стоек и неумолим,
Призраком белым пойду я за ним.
Вместе мы сдюжим с бедою любой,
И до тебя доберёмся, друг мой.
Летел бы ты лучше покуда здоров», —
Оскалился волк рядом острых зубов.
«Угрозы пустые сейчас ни к чему», —
Презрительно каркнул ворон ему,
«Не сладить тебе с проклятьем моим,
Сын твой и зверь теперь неделим.
Покуда с тобой на поляне сидим,
Лучше послушай, что делать засим.
Никто уж не сможет их разлучить,
Но я вам смогу ещё услужить,
Сейчас зверь вбирает душу его,
И слившись в едино, сущное зло,
В обличье зверином пребудет навек,
Считай, что утерян тогда человек.
Не буду с тобою сегодня юлить,
Надо бы нам сейчас поспешить.
Ты можешь не верить, но я помогу,
Юнца твоего от беды сберегу.
Но прежде подумай меня извести,
Готов ли ты в жертву себя принести?»
Блеснул хитрецей вороний глазок,
Словно сгоревший в костре уголек.
«Для сына готов я на жертву любую,
Но веры тебе нет в минуту такую», —
Коротко рыкнув, оскалился волк.
Ворон лукаво на секунду умолк.

«Сущностью чёрной дьявольский зверь,
С белою чистой душою твоей,
Заклинанием сильным на этом лугу,
Едиными станут, в том я помогу.
Тогда будет шанс совсем небольшой,
Что зверь подчинится душе молодой».
Ворон запел заклинания трель,
На языке, позабытом теперь.
Долго продлилась та ворожба,
Долго лились колдовские слова.
Пернатый, закончив свой чёрный обряд,
К звездам порхнул, что в небе горят.

3

Парень, очнувшись под дубом седым,
Волка припомнил и ворона с ним.
Отчаяньем душу кольнула игла,
Тёмная здесь приключилась игра.
Словно в тумане, сквозь сон колдовской,
Он вспомнил отца разговор непростой.
А после воронью гортанную трель,
На языке, позабытом теперь.
«Не уж, не увижу я больше отца?»,
По щеке одиноко скатилась слеза.
Он пробовал после к духу взывать,
Но тот продолжал упорно молчать.
И жгучая злость пробирала опять,
Ворона парень хотел отыскать.
Узкой тропюю вдоль леса побрёл.
В думах тяжёлых долго он шёл.
Солнце, не раз обогнув небосвод,
Его сквозь леса и болота ведёт.
Устал Волколак и силы уж нет,
Видит вдали стоит старый дед,
В соломенной шляпе, с седой бородой,
Посох сжимает крепкой рукой.
Рядом клубится дымок из трубы,
На старой землянке, что укрыли дубы.
Увидев парнишку, он сел на пенёк,
Рост его был не мал – не высок,
Приземист и крепок ещё старичок,
В нём жизни самой горит огонёк.
Читалась в очах печать мудреца,
Он встретил с опаской в лесу молодца.
Парнишке отвесив добрый кивок,
Спросил кто таков и сразу умолк.
«Заблудший я путник в этом лесу,
Тяжёлую ношу старче несу.
Прости, потревожил твой сытый покой,

Прошу накорми и от зноя укрой.
Гостя прими и с первой звездой,
Продолжу свой путь дорогой ночной».
Старцу, отвесив поклон до земли,
Парень присел на пенёк позади.
«Что же ты так торопишься в путь?
Что дорогой ночной желаешь рискнуть.
Прими мой постой и тёплый ночлег,
Уважь старика, мил человек», —
Вымолвил дед, мотнув бородой.
«Я рад бы остаться у тебя на постой,
Но всюду беда идёт вслед за мной.
И боязно старче мне от того,
Кабы не вышло дурного чего.
Я долго в пути и ужасно устал,
И много ночей в дороге не спал.
На день останусь, а ночью уйду,
Не приведу в твою хату беду», —
Сказал паренёк с заметной тоской.
«Успеешь уйти, а покуда постой,
Отобедай сначала, а там поглядим,
За разговором душевным дневным.
Выпьём отвар на травах лесных,
Расскажешь о бедах своих непростых».
И поступью твёрдой пошёл старый дед,
К землянке своей, готовить обед.
Следом за ним побрёл Волколак,
Перебирая медленный шаг.
А после обеда за кружкой чайка,
Дабы уважить завет старика,
О ноше тяжёлой, что нёс на плечах,
Поведал парнишка в горьких слезах,
И замертво рухнул на пол земляной,
Как только допил отвар травяной.

Засветло утром проснулся в избе,
Силы и бодрость, ощущая в себе.
«Вижу, очнулся от крепкого сна,
Признаюсь, в том и моя есть вина.
Прости, но пришлось немного с юлить,
Сонным отваром тебя опоить.
Поднимайся поспел с блинами чаёк».
С широкой улыбкой сказал старичок,
И вышел во дворик, дверь затворив.
Парень поднялся за ним поспешив.
Во дворике мягкий солнечный гнёт,
Стынет чай на столе и липовый мёд.
Старый дед курит трубку, пуская дымок,
С задумчивым видом сев на пенёк.

«Ну вот ты и вышел! Садись-ка за стол.
Скажу тебе прямо твой случай тяжёл.
С духами леса я вёл разговор,
На тайну твою устремился мой взор.
Знаю теперь, как беду обойти,
Помощником стану в нелёгком пути.
Послушай внимательно, что расскажу,
Путь верный сейчас тебе укажу.
Но прежде, дай слово блюсти мой завет»,
С тяжёлой улыбкой сказал старый дед.
«Я помощи рад», – отвечал Волколак,
«Но прежде чем верить всему как дурак,
Поведай-ка, старче, кто ты такой,
Откуда всё знаешь, тайну открой».
«Всеми я хозяин, что видишь вокруг,
Озёрам, полям всему, милый друг.
В народе мне много давали имён,
Вы – Лешим зовёте с давних времён.
За высокой стеной из чёрных дубов,
Что проклятым лесом зовут без основ,
Я спрятал владенья свои ото всех.
В ком злоба живут, пороки и грех,
Навек заплутают в чёрных лесах,
Сгинут без пищи и света в глазах.
Для тех же, кто светел и в помыслах чист,
Путь сквозь преграду не будет тернист.
Коль ты предо мной, знать есть ещё свет,
Знать не утрачен жизни завет.
Я ночью у древнего духа узнал,
Как ты, милый друг, демоном стал,
Узнал и о том, как можно спасти».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.